

Давно отгремели последние залпы и взрывы войны, разобраны развалины наших городов, заросли травой траншеи и окопы. Срок немалый — свыше 30 лет. Но не забываются события того далекого времени. Как живые, стоят перед глазами и товарищи фронтовой молодости, и бои, и весь тот кошмар, имя которому — война.

Я не ходил в высоких званиях. Войну закончил старшим лейтенантом, заместителем командира батареи. Видел и пережил всякое. Точно, как в песне поется, "похоронен был дважды заживо". И "похоронки" по мне приходили два раза.

В декабре 1941 г. при освобождении моего родного города Калинина на льду Волги рядом разорвался немецкий снаряд. Случись это на суше, наверно, в куски разнесло бы. А так оглушило, контузило, бросило под лед. Выловили меня каким-то образом солдаты из другой части. Поместили в свой походный госпиталь. Очнулся на 3-й день. А когда стал немного приходить в себя, самовольно оставил своих спасителей и бросился за частью. Нагнал ее где-то около Ржева.

А второй раз "хоронили" меня уже в Белоруссии при форсировании реки Березины около Борисова. Теплым июньским днем 44 г. часть наша попала под массированную бомбежку немецкой авиации. Говорили, я потом все время бредил этой солнечной жарой. Здесь меня сильно контузило. Я потерял слух, дар речи. И опять подобрали незнакомые солдаты. Снова чужой медсанбат, опять домой ушла "похоронка".

Только и оттуда я через несколько дней ушел. Прибывавшие раненые растолковали мне (с помощью записок), где наш артполк. Нашел его довольно быстро. Товарищи готовились штурмовать Минск.

Как известно, 3 июля наша столица была полностью очищена от фашистской нечисти. Артиллеристы не входят в города в авангарде наступающих. Мы шли где-то "в хвосте", пропустив вперед почти все другие роды войск. Но объятий, поцелуев, цветов, вкусной холодной воды с избытком хватило и на нашу долю. Плакали изможденные мирные жители, текли слезы радости и у нас, солдат.

Меня обнимает старенькая женщина. Что-то спрашивает или рассказывает... Я киваю головой. Пытаюсь говорить...

Ничего не получается. Контузия не прошла. Глух и нем. Но я тоже радуюсь вместе со всеми и, как и мои товарищи, рвусь на запад.

Наш полк РГК (резерв Главного командования) часто перебрасывался с одного участка фронта на другой. На доукомплектование и отдых выводили редко. Всю Белоруссию прошли одним духом без остановок.

В крупный опорный пункт была превращена противником Лида. Три дня длился артобстрел города и его окрестностей. В воздухе постоянно висели советские бомбардировщики. Наконец немцы отступили и наши войска устремились на Гродно.

Надо сказать, что это был очень крепкий орешек. Взять его с ходу никто и не помышлял. Командование разработало план глубокого охвата города с 3-х сторон. Согласно этому плану наш полк, обходя узел сопротивления с севера, занял г. Друскининкай и уже оттуда вдоль ~~восточ-~~ного берега Немана пробивался к областному центру. Около деревни Грандичи пехота залегла. Сильный и меткий огонь немецкой артиллерии буквально косил все живое. Было ясно: где-то сидит не обнаруженный корректировщик. Но где, ломали мы себе головы. Как его обнаружить?

В тот раз повезло мне. Ближе к вечеру, когда солнце стало светить с нашей стороны, я заметил, как заблестел впереди солнечный гайчик. Раз, второй... Сверился с картой: кирпичный завод. Стало все ясно. Немец сидел внутри дымовой трубы. Это был его последний ИП. Цель поразили с третьего снаряда. Обрубок этой "моей" трубы еще долго стоял и после войны. Как память...

Пехота поднялась в атаку. Теперь ей уже никто не мешал.

Бой за Гродно - не последний в моей жизни. Восточная Пруссия, Кенигсберг с его неприступными фортами, ликвидация Померанской К группировки немцев. День Победы... Мы делали все, что могли, чтобы приблизить этот День. И он наступил. Дорогой ценой он завоеван. Миллионами человеческих жизней. Пусть никогда не повторится прошлое. Нам нужен мир, нам нужна жизнь.

Христов А. - слесарь РСЧ.